

18+

Григорян А. А

**Воспоминание
об эвакуации во время
Второй Мировой войны**

Амалия Арташесовна Григорян

Воспоминание об эвакуации во время Второй мировой войны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23686128

ISBN 9785448502590

Аннотация

В период войны в создавшихся условиях всеобщей разрухи шла каждодневная борьба хрупких женщин за жизнь детей – будущего страны. В книге приведены воспоминания матери трех малолетних детей, сумевшей вывести их из подверженного бомбардировкам города Фролово в тыл и через многие трудности довести до послевоенного благополучного времени. Пусть рассказ об этих подлинных событиях будет своего рода данью памяти об аналогичном невероятно тяжком труде множества безвестных матерей.

Содержание

Предисловие	6
Вставка	7
Начало	11
Жизнь во Фролово	18
Война	23
Бомбежка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Воспоминание об эвакуации во время Второй мировой войны

**Амалия Арташесовна
Григорян**

© Амалия Арташесовна Григорян, 2017

ISBN 978-5-4485-0259-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А. А. Григорян



Воспоминания об эвакуации во время Второй Мировой войны. 1972

Предисловие

Воспоминания эти были написаны нашей мамой уже много лет спустя после войны, когда мы разъехались по своим местам службы, работы, учебы. Видимо, очень сильные переживания она вынуждена была тогда перенести, и глубоко они засели в ее душе, что даже через многие года она не могла их забыть. Именно эти годы ее жизни, годы войны, постоянно будоражили ее память и требовали открыться людям, рассказать им о тех трудностях, которые ей пришлось перенести.

Мы, дети, преклоняемся перед ее памятью и гордимся тем, что у нас была такая мама. Во время войны, мы, несмышлелыши, не понимали остроты и сложности того периода, тех событий, которые коснулись нас. Да, мы знали – война, знали – тяжело, но глубины ее переживаний мы, конечно, не воспринимали. И только сейчас, перечитывая «Воспоминания», замечаем, чего ей стоило перенести, чтобы спасти нас! Низкий ей поклон!

Вполне возможно, что в художественном плане книга несколько проигрывает. Мама писала, как могла. Да и не стоит что-то подправлять. Это ее в о с п о м и н а н и я тех событий.

Лева, Нелли. Юра.

Вставка

«22 июля 1942 года днем немцы начали бомбить г. Фролово. Я заранее предупредила детей, чтобы, услышав тревогу, они бежали домой, ко мне. В тот день дети играли во дворе. Лева и Неля, услышав сирену, сразу же прибежали домой. Я поспешила вынести из дома больного 11-месячного Юру. Бомбы взрывались где-то в районе вокзала. А дом наш находился совсем близко от него. Стали бомбить и центр города. Самолеты летали низко над городом и наводили ужас на людей, которые прятались, кто как мог, стараясь как-то спастись, защититься. В небольшой яме нашего двора, возле акации, я уложила детей, а сама, распростерла руки, укрывая их от возможных осколков. Малыши от страха дрожали. Будучи от природы трусливой, я почему-то в эти страшные минуты не терялась и думала только о том, как спасти детей. Это придавало мне силы, делало меня выносливее. Я успокаивала их, говорила, что немцы бомбят вокзал далеко от нас, что бомбежка скоро кончится, а с нами ничего не случится. Но между тем бомбы взрывались все ближе и ближе, и все сильнее слышался нарастающий рокот моторов. А когда от снаряда разлетелся соседский дом и осколки стекла и досок впереमेжку с камнями и землей как град посыпались на нас, я совсем потеряла надежду на спасение. «Непременно погибнем», – первое, что мелькнуло в голове.

После очередной передышки фашистские самолеты вновь стали летать над городом, на сей раз совсем близко, казалось бы, специально выбирая наше место для сбрасывания бомб. Во время передышки я заметила, что люди, перепрыгивая через заборы и не выходя на улицу, а прижимаясь к домам, уходили из районов центра и вокзала куда-то подальше. Это, пожалуй, было единственным спасением, но я не могла идти за ними: с детьми быстро не побежишь. Но и оставаться на месте тоже было весьма опасно. Нужно было что-то срочно предпринять. Взяла Юру на руки, а Леве и Нелли сказала, чтобы шли за мной. Пригнувшись к земле, прошли в соседний двор. Там никого не было. Оглядываясь, осторожно вышли на улицу. Куда идти, как найти безопасное место, чтоб уберечь детей?

А самолеты все продолжали низко кружиться над нами. Мне казалось, что вот-вот заметят, как я с детьми съежилась у будки, и начнут стрелять в нас. Затаив дыхание, похолодев от страха, я прижала к себе детей. Потом набралась сил, подняла голову к небу и с облегчением увидела, что самолеты пролетели мимо, а, стало быть, на нас уже бомбы не сбросят. Чуть успокоившись, перебежали к противоположному двору. Там стоял кирпичный дом. Это был дом колхозника, у стен которого лежали женщины и дети. Не успели мы подойти к дому, как вновь послышался взрыв бомб. Я сразу же уложила детей, прикрыла их собой с мыслью, «что бы ни случилось, пусть со всеми сразу». Потом мы перешли

во двор этого дома и возле плетня решили переждать бомбежку вместе с другими жителями города, которые там уже находились. Долго мы еще лежали в таком положении, лицом к земле. Ухо резал свист падавших бомб, и каждый раз казалось, что летят она именно на нас. От страха холодный пот тек по лицу, а я съежилась, затаив дыхание. Бомбы свистели казалось беспрерывно. Смерть висела над нами. «Конец, не спасемся», — думала я. Кругом слышался вопль, плач, крики. Наверное, кого-то ранило из лежащих рядом, а может кто-то и погиб. А фашисты все бомбили и бомбили. Не успевали передохнуть от одного налета, как

начинался второй. Лева и Неля от страха съежились у меня под руками, затаив дыхание. Но не плакали. Маленький больной Юра, которому не было еще и года, тоже молчал. Видимо мое напряжение передалось и ему.

От осколков одежда моя разорвалась. Наконец бомбежка прекратилась. Лева, сразу подняв голову, спросил. «Мам, ты жива, можешь говорить. А ну посмотри на меня, я не ранен?» Ему казалось, что когда при взрыве нас засыпало, его возможно ранило. Я успокоила его, и, оставив детей, пошла проверить состояние нашего дома. Все кругом было перевернуто. Во дворе я увидела три воронки от разорвавшихся бомб. Одна из них именно там, где мы намечали построить бомбоубежище. Во время бомбежки стена дома с этой стороны была разрушена, были выбиты двери и окна, пол был покрыт землей, кругом валялись стекла. Осколками была разо-

рвана вся висевшая на вешалке одежда. Я прошла в другую часть двора, где росли фруктовые деревья, и поразилась – деревья оголились, как осенью после листопада. По всему двору валялись осколки бомб разной величины.»

Начало

Родилась я, как и многие люди моего поколения, в трудовой семье. Отец работал бухгалтером на предприятии Алавердских медных рудников (это в Армении), а мама с пятью детьми (два сына и три дочери) жили у моей бабушки. В те времена считалось постыдным оставить свекровь и свекра и переехать к мужу по месту его работы. В 1917 г. отец заболел туберкулезом. Он поехал лечиться в Тбилиси, но спасения не было. Тогда эта болезнь считалась неизлечимой. Умер отец зимой 1918г. Через некоторое время умер и мой младший брат. Мама осталась с четырьмя детьми. Старшим был Гурген, ему было тогда 10 лет, а мне, Амалии, 8 лет. Младшим сестрам, Анатолии было 6 лет, а Наталии – 4 года.



1920 год. Я сижу внизу. Сзади, сверху – брат Гурген. Слева от меня мама и дедушка, справа – тетя с мужем

Не успела мама смириться с горем, как армяно-турецкая война 1918 года принесла новые мучения нашей семье. Моя мама, Сатеник, была обучена грамоте у писаря отца. Ей очень хотелось, чтобы дети получили хорошее образование. Мне посчастливилось учиться в приходской школе. А брат получил возможность учиться в русской школе. Но война прервала учебу. В 1919 году мы снова пошли в школу. Гурген продолжил учебу в приходской школе. Когда же в 1920 году возобновились военные действия, и турки начали занимать наше село, большинство жителей, а вместе с ними и мы, вынуждены были бежать. Но и по дороге грабили турки, так что все наши пожитки были отобраны. Нищета, голод и болезни стали повседневными спутниками. Когда же село освободилось, и мы возвратились в родные места, дом наш был полностью разорен. К счастью, расхитителям не удалось найти зерно, запрятанное в двух ямах, что и спасло нас от голодной смерти.

После шестимесячного отсутствия я быстро нашла своих подруг, по которым очень скучала. Они рассказали мне много ужасного из жизни села, свидетелями чему они были. Рассказали, например, как, однажды, опасаясь турок, молодые женщины и девушки спрятались в соседнем доме. Ночью турки постучали в дверь. Хозяин не открыл. Солдаты

поднялись на крышу, и начали стрелять через дымовое отверстие, требуя впустить их в дом. Спрятавшаяся там дочь хозяина была убита. Подобных случаев было немало. Многих женщин и девушек обесчестили турки. Сельских парней, попавших в их руки, пытали, затем убивали.

Положение народа в 1920 г. было крайне тяжелым. Нищета, голод, тиф стали массовыми явлениями. Все же осенью того же года сельчане отремонтировали разрушенную школу. Открыли с 1 по 4 классы.

Дети, голодные, в лохмотьях, стали посещать школу, но уже зимой из-за холода невозможно стало учиться, и чтобы согреть холодный класс, дети по возможности сами приносили дрова. Зачастую, в холодном классе приходилось писать замерзшими пальцами. В таких условиях мне все же удалось проучиться до 4-го класса. Впоследствии, открыли семилетнюю школу.

Я была уже взрослой девушкой, мне очень хотелось учиться, но стеснялась с маленькими детьми ходить на уроки. Брат, который учился тогда в Ленинакане (второй по величине город Армении), в сельскохозяйственном техникуме, отвез меня в город и определил на частные курсы кройки и шитья.

После окончания учебы, осенью 1929 года я вернулась домой. В том же году меня выдали замуж за односельчанина Христофора Варажяна (позже Григорян). Я согласилась с этим замужеством. Как и все деревенские дети, мы

были знакомы, но никакого особого внимания друг к другу мы не проявляли. Он был на 4 года старше меня, толковый, упорный в учебе. Это привлекало. К тому же хотелось прикоснуться к новой жизни в далекой России, где он находился. К тому времени Христофор уже окончил сельскохозяйственный техникум и отслужил в армии. Он очень хотел лучше освоить русский язык. Чтобы осуществить свое намерение, он попросил, чтобы его направили в Россию работать. Так он очутился во Фролово Сталинградской области, где и устроился на работу агрономом. Одновременно учился заочно в Саратовском сельскохозяйственном институте. Через два года он, когда создал условия для жилья, забрал меня к себе. До этого, как было положено у нас в то время, я жила у родителей Христофора, с которыми жили еще старший брат мужа, Васак, с семьей, женой и тремя детьми, и младший брат, Асканаз.



1929 год. Я (внизу) с подругами из курса кройки и шитья.

Жизнь во Фролово

В первое время в русской среде дни мои проходили очень скучно. Новые соседи, новые люди, а незнание языка мешало общаться с ними. В доме, где мы жили, собирались женщины, разговаривали, смеялись, а мне казалось, что говорят и смеются надо мной. Приходилось тайком записывать армянскими буквами произнесенные ими слова, чтобы потом у Христофора узнавать их значение. Незнание языка сильно беспокоило меня. Из-за этого не могла посещать вечернюю школу, хотя очень хотелось учиться. Желание освоить русский язык было сильным, условия для этого были благоприятными. Так что, со временем все же удалось добиться определенного успеха. Начала читать газеты, детские книги. Не забывала и шитье. Нам дали благоустроенную квартиру в центре города. В первые годы замужества возникла очень тревожная для меня проблема. Почему-то не могла родить ребенка. Меня очень печалила такая, как мне казалось, женская неполноценность. Ходила к врачам, лечилась, следовала их советам, и к огромной радости моей и мужа в 1933 году родила сына, Витю. Мы были счастливы, видя, как растет наш прекрасный малыш. И можно себе представить, каким горем для нас обернулась постигшая его болезнь, менингит, от которой наш годовалый мальчик умер.

Это была трагедия, которую можно преодолеть толь-

ко лишь новыми жизнями. В 1935 году родился сын Лева, а примерно через два года и дочь Нелли. Христофора за успехи в работе повысили в должности, и назначили начальником РайЗО (Районный земельный отдел). Он пользовался большим уважением в городе и районе. Его знали как трудолюбивого работника, преданного и честного человека. Хотя мое замужество было в какой-то мере навязанным родственниками, жили мы мирно и дружно. Вот только учебу, о которой я так мечтала всю жизнь, пока не удавалось наладить. Правда, в городе действовало несколько вечерних школ, однако я не могла тогда посещать их, несмотря на то, что уже выучилась русскому языку – мешали маленькие дети. Только в 1940 году мне удалось поступить в вечернюю школу. Наконец-то сбылась моя заветная мечта. Чтобы вечерами присмотреть за детьми, я попросила, чтобы мне помогла одинокая женщина Пелагея Мироновна, которая жила у наших соседей. С соседями нас разделяла стена. Алексей Гордеич и его жена Анастасия Алексеевна Рогачевы оказались очень добрыми и скромными людьми, что с первых же дней нас сдружило. Сын их Володя характером пошел в родителей. Был очень умным парнем, отличником учебы. Когда я бывала на занятиях, Мироновна забавляла детей, организовывала игры, рассказывала сказки, укладывала их спать. Она полюбила детей и была им очень предана. Дети отвечали ей тем же. Я была ей крайне благодарна. Как-то, вернувшись домой, я услышала громкий смех. Открыла дверь и увиде-

ла, как бабушка Мироновна (так они ее называли) играет с ребятами в жмурки, делает вид, что их не видит и убегает от них. А дети были просто в восторге, когда ловили ее. Это только один пример ее постоянной заботы. Все это успокаивало меня, и давала мне возможность больше уделять внимание учебе. Конечно, учиться было не так-то легко, потому что я, фактически не проучившись в 4-ом классе армянской школы, была вынуждена поступить в 5-ый русской школы, так как в вечерней школе классы были только с 5 по 7-ой. Трудность была и другого плана: знание русского языка было недостаточным, чтобы уметь писать и отвечать на этом языке. Приходилось долгими вечерами, вернувшись со школы, сидеть допоздна над письменными заданиями, а днем параллельно с домашней работой готовила устные ответы. Когда стирала или готовила обед, книга была всегда со мной, и тогда удавалось урывками что-либо прочесть. Надежным помощником дома был Христофор. Он помогал понять историю, решить задачу или пример. Так было в первые месяцы. Постепенно я освоилась в учебе, стала самостоятельно готовить уроки. Моя настойчивость и трудолюбие дали положительные результаты. Через несколько месяцев учителя признали меня первой ученицей, и часто приводили в пример. Рассказывали, с чего я начала, и каких успехов добилась. Однажды, придя в школу после зимних каникул, мы разговаривали с женщинами в коридоре, и одна из них сказала: «Вы видели на Красной доске Григорян Амалию?» Я ре-

шила, что она пошутила. Стараясь выглядеть безразличной, когда в коридоре никого не было, тихонько подошла к доске. Смотрю, действительно, там красуется моя фамилия. Прочла, обрадовалась, и веселая, с хорошим настроением пошла домой. А тут еще соседский мальчик Володя принес районную газету и сказал, что в газете написано обо мне. Как выяснилось, директор нашей школы, учитель истории, написал статью об успеваемости школы и в качестве примера привел меня, как нерусскую, но отличницу учебы. Поначалу Христофор сомневался, смогу ли я учиться, но потом, убедившись, что дети не оставались без присмотра, а я в школе преуспеваю, обрадовался, и старался как можно больше помогать мне в хозяйстве. Благодаря этому я успешно сдала экзамены 5-го класса. Начальные трудности были позади, казалось, что продолжить столь желанную мне учебу будет легче.

За 10 лет во Фролово у нас образовался большой круг знакомых и друзей. У наших соседей, Рогачевых, в доме не было маленьких детей. Они полюбили Леву и Нелю, играли с ними в детские игры, забавлялись с ними. Жизнь во Фролово протекала беззаботно. Весело проводили время. В дни праздников собирались по очереди то у одного, то у другого знакомого. Вечерами выходили в город погулять или шли в сад, в кино. Мы были молоды, и проводили время, как нам хотелось, непринужденно довольствуясь малыми и большими радостями жизни. Только тоска по родным все глубже проникала в душу. Думали взять отпуск и поехать в Армению.

Но это желание в то время не удалось осуществить.



1939 год. Наша семья.

Война

Было 22 июня 1941 года. В полдень пришла соседка и взволнованно сказала: «Амалия Аркадьевна, послушайте, что передает радио». По радио передавали, что немцы вероломно напали на нашу Родину, перешли границу и продвигаются вглубь страны. Все только и говорили об этом. Люди были до неузнаваемости расстроены, обеспокоены, предполагая разное течение событий. Улыбки мигом исчезли с их лиц, на смену пришли выражения озабоченности и печали.

Тут же в полдень в железнодорожном саду состоялся митинг. Выступали руководящие работники района. Призыв был один: защищать Родину, нашу священную землю, наши семьи, не жалеть сил во имя этого. В тот же день пришли новости тем, кто первыми должны были идти на фронт. В их числе были Христофор и его товарищи: Рогачев, Семенихин, Дагадин, Ежов, прокурор Погодин и др. Друзья собрались у нас, наполнили бокалы. «Мы только начали жить, о многом мечтали, только что стала процветать наша земля. Немцы же решили нарушить нашу жизнь, подчинить ее себе. Бомбят, уничтожают наш народ и его творения. Но, товарищи, Гитлер за все это дорого заплатит, недолгим будет его успех. Когда наш народ соберет свои силы, земля наша станет могилой для врага. Так выпьем же за победное возвращение». Все грустные, но решительные осушили бокалы. Анастасия

Алексеевна пообещала, что в трудные минуты всегда будет со мной.

Шли дни, я была в раздумье: остаться во Фролово или уехать в Армению. Ехать было нелегко: железная дорога была занята переброской войск и вооружений. Христофор не советовал мне ехать, писал, чтобы я пока что оставалась на месте. Старший брат мужа, Васак, напротив, звал нас к себе. Положение мое было не из легких. Когда началась эта ужасная война, и Христофор ушел на фронт, я была уже беременна. В том же 41-м году 10 августа родился Юра. Я лежала в больнице с грудным ребенком на руках, а дома на попечении соседей и друзей, в первую очередь бабушки Мионовны и Анастасии Алексеевны, оставались дети: 6-летний Лева и 4-летняя Нелли.

В больницу ко мне некому было приходить, в то время как других навещали родственники, приносили передачи, беседовали, делили с ними тревогу и печаль тяжелого времени, и тем самым как-то облегчали их состояние. А я одиноко смотрела на дверь в безнадежном ожидании, с глазами, полными слез. Вспоминала, как при рождении первых детей Христофор каждый день приходил ко мне и приносил передачи, письма, интересовался состоянием моим и ребенка, говорил с врачами. Всего этого теперь не было. К тому же от Христофора не получала писем. Потом только я узнала, что одно письмо лежало на почте: некому было принести. Правда, Анастасия Алексеевна работала начальником поч-

тового отделения железной дороги. Но она настолько была все это время перегружена, что не могла ни навестить меня, ни принести письма.

Обстановка на фронте становилась тревожнее. Радио приносило печальные вести. Несмотря на все усилия, наши войска не могли остановить грозный натиск немцев. Позже, из письма Христофора я узнала, что он в Москве, и пока неизвестно, на какой фронт его пошлют. Находясь в больнице, я думала и о том, каково сейчас положение наших родных. Для Армении не исключалась опасность со стороны турецкой границы. Турки были союзниками немцев и могли в любой момент напасть на Армению. В этом случае нашим пришлось бы пережить более суровые дни, чем в 18—20 годах.

Все это настолько угнетало и изнуряло меня духовно, что от такого напряженного нервного состояния груди мои высохли, и ребенок остался без грудного молока. В больнице пролежала недолго. Вернулась домой. Надо было найти возможность прокормить детей. Договорилась с женщиной, у которой была корова. В первое время она продавала молоко за деньги, а потом отказалась: отдавала молоко тем, кто приносил корове корм. Я была вынуждена пойти в заготзерно (отдел заготовок зерна), упросила выписать 500 кг отрубей и перевезти их хозяйке коровы. В день я брала литр молока. Пол-литра давала двум старшим детям, а остальное новорожденному Юре. Всего я взяла 20 литров. А потом хо-

зййка коровы окончательно отказалась давать нам молоко. После этого я стала доставать молоко благодаря шитью по заказам.

Настали холодные дни. Кончилось топливо, топить печку было нечем, температура ночью в комнате опускалась до 4—5°, днем поднималась до 9—10°. Как при такой температуре шить, как уберечь детей от холода? К кому только я не обращалась за помощью, увы, все отказывали, удовлетворить просьбу не могли. Должна сказать, что у наших знакомых в городе мужья почти все ушли на фронт. Написала письмо в Сталинград, депутату Верховного Совета Зименкову. Через 3 дня по решению руководства, где ранее мне отказывали, мотивируя отсутствием средств доставки, дрова привезли прямо к нам домой.

В эти дни в город постоянно привозили с фронта раненых. Военкомат поручил женщинам помочь выносить раненых из вагонов, чтобы потом на машинах перевезти их в госпитали. Я тоже приняла участие в этом. Мы несли из дома различные предметы, вещи, ковры, чтобы обставить палаты. Несли подушки, цветы и т. п. А дома шили и штопали солдатское белье. Кроме того, из артелей, которые были перегружены заказами на воинскую одежду, брали выкроенные простыни, наволочки и т.п., дома дошивали и сдавали. Так весь день проходил в постоянно напряженной работе. Письма от Христофора всегда приходили с опозданием. Писал с передовой, а то и из госпиталя. Он обнадеживал ме-

ня, интересовался моим состоянием и жизнью детей, уверял, что враг будет разбит, что мы скоро победим. Приходили письма и из Армении. Родственники звали к себе, чтоб хоть кое-как облегчить мое положение. Но чтобы ехать в Армению в военное время, тем более в приграничный город Ленинакан, нужен был пропуск, который можно было получить только по запросу с места. Я написала Васaku, чтобы прислал нам вызов. Он выслал все, что требовалось. Однако ситуация в городе все более ухудшалась, и стало труднее получить разрешение, пропуск на выезд.

Школы и больницы были переполнены ранеными. В город все больше прибывало переселенцев. В милиции люди днями простаивали в очереди на прием. У начальника милиции было множество дел, в том числе и обустройство беженцев. И все же мне, наконец, удалось получить пропуск. Стала собираться в дорогу. Была проблема, что же взять с собой в дорогу? Конечно, прежде всего, одежду, особенно теплую, обувь, еду, но решила непременно взять с собой и швейную машинку. Хотя она была очень тяжела, но помогала бы мне зарабатывать шитьем на пропитание. Действительно, польза от нее оказалась огромной.

Как-то, выйдя из дома, увидела на улице плотные ряды военных какой-то части. Подошла к ограде узнать, кто они, откуда приехали. Думала, может среди солдат окажутся мои родные. Я заметила, что один смуглый солдат внимательно смотрит на меня. Подошла к нему, спросила: «Нет ли сре-

ди вас армян?» Солдат громко позвал: «Вараздат! Гарегин! Мигран!..» и шесть армян-солдат вышли из строя. Один сразу подошел к нам, обнял Леву, прижал к груди, поцеловал и сказал, что Лева похож на его сына, которого он оставил дома. Из родственников моих в строю никого не оказалось. Я и соседки поспешили домой за продуктами, чтобы угостить солдат. Но те, то ли были сыты, то ли не хотели лишаться куска хлеба, однако отказались от продуктов. Вскоре часть ушла на фронт, а я, всякий раз, проходя мимо госпиталя, расспрашивала, нет ли среди раненых кого-нибудь из родственников. Таковых не оказалось.

Однажды на вокзал прибыл состав, полный осиротевших детей. Местным жителям предложили взять их к себе на воспитание. Но время было тяжелое, фронт был почти рядом. Взяли только 14 детей. Детей отдавали с осторожностью. Желаящие взять детей стояли возле дверей вагона, издали определяли, кого бы взять. Воспитательницы говорили выбранному ребенку, что за ним пришла мать, и ребенок радостно бросался в объятия незнакомой женщины, называя ее мамой. Это были дети, родители которых погибли во время бомбежки или были угнаны немцами в Германию на принудительные работы. Дети были так напуганы и растеряны, что искренне принимали за матерей этих женщин. Составы без конца привозили таких детей. В их числе оказались и голодные дети из блокадного Ленинграда. Из одного такого состава, проходящего через Фролово, вынесли мертвых ребят. Их

похоронили в одной братской могиле.

Бедствия войны все более давали о себе знать. Издали уже доносились раскаты оружейных залпов, в небе появлялись немецкие самолеты. Гудели сирены, предупреждая население о готовящемся очередном налете вражеской авиации.

Находясь в довольно сложной ситуации, я постоянно думала о пропуске для переезда в Армению. И вот, когда, наконец, летом сорок второго года я получила пропуск, оказалось, что движение поездов на юг прекратилось. Бои шли уже близко от нас. А тут еще Юра тяжело заболел токсическим поносом, и настолько ослаб и истощился, что когда я брала его на руки, он не мог самостоятельно держать головку и беспомощно клал ее мне на плечо. Лечить его было трудно, достать лекарства было почти невозможно. Приходилось пользоваться домашними средствами.



1942 год. Редкая фотография. Сделана в ужасных условиях за несколько дней до бомбардировки Фролово. Юра сидит на коленях бабушки Мироновны, за ней – Анастасия Алексеевна, рядом я, с другой стороны – дети и Володя.

С трудом уговорили фотографа запечатлеть нас. Мало было надежд, что хоть когда-либо свидимся вновь.

Немцы уже бомбили города Сталинградской области. Опасность приближалась с часу на час. Что делать? Выехать из города стало невозможно. Вынуждена была остаться. Неля замечала мои переживания и слезы, и отказывалась идти во двор играть. Когда я уговаривала ее пойти, она го-

ворила: «Если я пойду играть, ты не будешь дома одна плакать?» Я обещала не плакать, и тогда она выходила из дома. После этого я была всегда начеку, но как не старалась скрыть от детей мои переживания и страх, все равно они чувствовали это.

Бомбежка

22 июля 1942 года днем немцы начали бомбить г. Фролово. Я заранее предупредила детей, чтобы, услышав тревогу, они бежали домой, ко мне. В тот день дети играли во дворе. Лева и Неля, услышав сирену, сразу же прибежали домой. Я поспешила вынести из дома больного 11-месячного Юру. Бомбы взрывались где-то в районе вокзала. А дом наш находился совсем близко от него. Стали бомбить и центр города. Самолеты летали низко над городом и наводили ужас на людей, которые прятались, кто как мог, стараясь как-то спастись, защититься. В небольшой яме нашего двора, возле акации, я уложила детей, а сама, распростерла руки, укрывая их от возможных осколков. Малыши от страха дрожали. Будучи от природы трусливой, я почему-то в эти страшные минуты не терялась и думала только о том, как спасти детей. Это придавало мне силы, делало меня выносливее. Я успокаивала их, говорила, что немцы бомбят вокзал далеко от нас, что бомбежка скоро кончится, а с нами ничего не случится. Но между тем бомбы взрывались все ближе и ближе, и все сильнее слышался нарастающий рокот моторов. А когда от снаряда разлетелся соседский дом и осколки стекла и досок впеременно с камнями и землей как град посыпались на нас, я совсем потеряла надежду на спасение. «Непременно погибнем», – первое, что мелькнуло в голове.

После очередной передышки фашистские самолеты вновь стали летать над городом, на сей раз совсем близко, казалось бы, специально выбирая наше место для сбрасывания бомб. Во время передышки я заметила, что люди, перепрыгивая через заборы и не выходя на улицу, а прижимаясь к домам, уходили из районов центра и вокзала куда-то подальше. Это, пожалуй, было единственным спасением, но я не могла идти за ними: с детьми быстро не побежишь. Но и оставаться на месте тоже было весьма опасно. Нужно было что-то срочно предпринять. Взяла Юру на руки, а Леве и Нелли сказала, чтобы шли за мной. Пригнувшись к земле, прошли в соседний двор. Там никого не было. Оглядываясь, осторожно вышли на улицу. Куда идти, как найти безопасное место, чтоб уберечь детей?

А самолеты все продолжали низко кружиться над нами. Мне казалось, что вот-вот заметят, как я с детьми съежилась у будки, и начнут стрелять в нас. Затаив дыхание, похолодев от страха, я прижала к себе детей. Потом набралась сил, подняла голову к небу и с облегчением увидела, что самолеты пролетели мимо, а, стало быть, на нас уже бомбы не сбросят. Чуть успокоившись, перебежали к противоположному двору. Там стоял кирпичный дом. Это был дом колхозника, у стен которого лежали женщины и дети. Не успели мы подойти к дому, как вновь послышался взрыв бомб. Я сразу же уложила детей, прикрыла их собой с мыслью, «что бы ни случилось, пусть со всеми сразу». Потом мы перешли

во двор этого дома и возле плетня решили переждать бомбежку вместе с другими жителями города, которые там уже находились. Долго мы еще лежали в таком положении, лицом к земле. Ухо резал свист падавших бомб, и каждый раз казалось, что летят она именно на нас. От страха холодный пот тек по лицу, а я съежилась, затаив дыхание. Бомбы свистели казалось беспрерывно. Смерть висела над нами. «Конец, не спасемся», – думала я. Кругом слышался вопль, плач, крики. Наверное, кого-то ранило из лежащих рядом, а может кто-то и погиб. А фашисты все бомбили и бомбили. Не успевали передохнуть от одного налета, как

начинался второй. Лева и Неля от страха съежились у меня под руками, затаив дыхание. Но не плакали. Маленький больной Юра, которому не было еще и года, тоже молчал. Видимо мое напряжение передалось и ему.

От осколков одежда моя разорвалась. Наконец бомбежка прекратилась. Лева, сразу подняв голову, спросил. «Мам, ты жива, можешь говорить. А ну посмотри на меня, я не ранен?» Ему казалось, что когда при взрыве нас засыпало, его возможно ранило. Я успокоила его, и, оставив детей, пошла проверить состояние нашего дома. Все кругом было перевернуто. Во дворе я увидела три воронки от разорвавшихся бомб. Одна из них именно там, где мы намечали построить бомбоубежище. Во время бомбежки стена дома с этой стороны была разрушена, были выбиты двери и окна, пол был покрыт землей, кругом валялись стекла. Осколками была разо-

рвана вся висевшая на вешалке одежда. Я прошла в другую часть двора, где росли фруктовые деревья, и поразилась – деревья оголились, как осенью после листопада. По всему двору валялись осколки бомб разной величины.

Я не знала, куда делась бабушка Мироновна. Во время бомбежки я посоветовала ей отлежаться в яме. Она была очень напугана, все время стояла на коленях, крестилась и молилась, прося спасения. А потом исчезла. Вернулась с работы Анастасия Алексеевна, вся в пыли, мрачная. Она поинтересовалась бабушкой, детьми, и пошла искать своего сына-юношу, Володю. Еще до войны он повредил один глаз, который ему вынуждены были удалить. Поэтому его взяли на фронт позже. Как выяснилось, Володя был на вокзале, где в числе добровольцев устранял разрушения от бомбежки. Анастасия Алексеевна вернулась вместе с сыном. Лицо его было забинтовано. Уже темнело. Временами слышались отдельные взрывы. Сильно горело депо. Зарево было видно еще несколько дней.

Жители города начали покидать его, устраиваясь у родственников и знакомых в пригороде. Посоветовавшись, мы решили, что нужно выйти из центра города и устроиться у Володиного товарища, Саши, живущего с бабушкой на окраине города. Я взяла два узла и вместе с детьми пошла в сопровождении Володи к его товарищу. Было уже темно в разрушенном городе. Шли через руины, развалины домов, ямы, сломанные столбы. Ноги то и дело запутывались в обо-

рванных проводах, от чего еще труднее было идти. А дорога была без малого два километра. На каждом шагу нас оставляли солдаты, требуя документы. С большим трудом добрались до дома Саши. Детей оставила там, а сама вернулась. В эту темную ночь я еще четыре раза прошла по той же дороге, пока не удалось перенести за город продукты, постель и некоторую теплую одежду для детей. Ночь прошла без сна.

Меня охватила тоска. Вокруг было пусто, безлюдно. Железная дорога окончательно прекратила работу. Двери и окна зданий были выбиты, шторы разорваны, мебель побита, дома были пусты, без хозяев. Горели вокзал и депо. Кругом были видны свежие следы бомбежки. Люди везли хоронить трупы погибших. Возле нашего дома я увидела военную грузовую машину и попросила помочь перевезти оставшиеся домашние вещи. Командир не отказал нам в просьбе. Таким образом я сумела перевезти почти все необходимые вещи за город. Для укрытия от бомбежки мы вырыли во дворе у Саши небольшую, но достаточно глубокую щель, замаскировав ее сверху ветками и травой.

После обустройства на новом месте к нам зашли наши знакомые – близкие родственники Рогачевых, Алексей Федорович и его жена Лидия Петровна. Они были на похоронах сестры Алексея Федоровича и ее 18-летней дочери. Нашлась и пропавшая Мироновна. Во время бомбежки она, растерявшись, с криком побежала во двор к соседке. Пожилая со-

седка силком втащила бабу в убежище. Однако Мироновна не подчинилась ей, и, уйдя за город, присоединилась к городским женщинам. И потом уже расспросами смогла найти нас.

Вражеские самолеты несколько раз в день бомбили город. Стоило услышать взрыв бомб, как мы с детьми сразу же прятались в наше бомбоубежище. Неля, напуганная первой бомбежкой, услышав гул самолетов, начинала плакать, бледнела и крепко прижималась ко мне. Меня это очень беспокоило: я боялась, как бы она не заболела. Но что можно было сделать? В начале войны горсовет и военкомат организовывали эвакуацию жителей. Теперь этой возможности уже не было. К тому же наступило время сбора урожая. Транспорта не хватало. Я еще раз попробовала обратиться в горсовет с просьбой помочь мне перевезти детей в какое-нибудь село, подальше от фронта.

Однажды по дороге встретила знакомого железнодорожника с женой. Они весело и живо беседовали. Я была настолько подавлена всем случившимся в эти дни, что меня просто поразило их, как мне показалось, равнодушие к происходящему: в столь суровые, роковые дни, когда гибнут тысячи людей, могли ли еще улыбаться!? Для меня это было чудовищно и возмутительно.

В горсовете мне, конечно, отказали; все машины были заняты. Оборвалась и эта надежда. По дороге домой мне встретилась знакомая женщина, Надежда Ивановна (фами-

лию не помню). Зная, что мне трудно приходится с тремя детьми, она пожалела меня и предложила отдать на усыновление ее брату, работавшему в военкомате Фролово, моего младшего сына Юру. Она уверяла меня, что этим в некоторой степени облегчится мое состояние. Я стояла молча. И заплакала. «Никого из детей никому и никогда я не отдам, вместе и жить будем и умирать». Расстроенная и обиженная ушла.

В доме Саши мы прожили около двух недель, почти все время были одни. Анастасия Алексеевна, будучи начальником связи, имела специальный пост, где она должна была находиться почти каждый день и непременно ночью. Мироновна ушла к родственнице в соседнее село. Таким образом, я с детьми была дома совершенно одна, почти беспомощная. Ночью совсем не спалось. Было слышно, как по улице проходила техника, шли люди. Я была в неведении, наши ли движутся, или это уже немцы занимают город.

Как я представляла, немцы могли придти с минуты на минуту, выбить дверь и убить меня и детей. Я осторожно подходила к окну, чтоб определить, хотя бы по одежде и голосам, кто идет, но в темноте ничего нельзя было распознать. А страх во мне постоянно нарастал. Передовая, казалось, была почти рядом с нами. В этих тревогах проводила все ночи. Утром я узнавала, что ночью шли наши части. Мне было мучительно больно видеть, как молодежь идет в объятья смерти, оставив своих матерей, сестер, жен и детей. Думала,

что и мой муж, Христофор, в эти дни участвует в сражениях. Эти тяжелые мысли ни на минуту не покидали меня.

Чтобы обезопасить себя решила воспользоваться возможностью выехать из города в колхоз Чернушки, который находился недалеко от Фролово. Здесь также было не легко. колхоз жил военной жизнью. Куда бы ни бросала взор – все напоминало о фронте. Колхоз мало чем походил на колхоз: военные, госпиталь, беженцы... Много было раненых. В садах и лесах стояли замаскированные танки, машины.

Мы устроились в одном из сараев. С нами переехала и Анастасия Алексеевна. Все труднее становилось с продуктами питания. Анастасия Алексеевна, когда оставалась дома, смотрела за детьми, а я шила и взамен получала немножечко молока, масло, яйца. На том и держались. Питались мы вместе с Анастасией Алексеевной. Ночью, во время воздушной тревоги, уходили с детьми в вырытое нами убежище. Юра постепенно поправлялся. Я пребывала в неопределенности: оставаться здесь или уходить подальше от фронта. Надо было подумать о детях, прокормить их. Не решались ни вопросы работы, ни питания, ни топлива. Враг пока что бомбил только город, но каждую минуту мог появиться и в районе колхоза. А впереди зима. Помимо прочего, очень тревожно было состояние Нелли. Она, каждый раз услышав гул самолета, от страха бледнела и дрожала. Могли быть тяжелые последствия. И я решила любыми средствами, хотя бы через Среднюю Азию и Каспийское море, добраться до Арме-

нии, где жили родственники, и где было бы легче пережить с детьми время войны. Анастасия Алексеевна обратилась к руководству за разрешением эвакуироваться вглубь тыла. Но ей отказали: было строжайшее распоряжение, запрещающее работникам железных дорог и связи уходить с работы. А мне одной с детьми пуститься в столь дальний и полный опасностей путь было очень тревожно. Правда, возникла и другая возможность. Как-то к нам пришла жена заведующего финотделом, Анна Карповна Шишкина и предложила мне ехать вместе с ней. У нее была дочь подросткового возраста, Нина. Я знала Анну как женщину эгоистичную, с тяжелым характером, и вначале не приняла ее предложение, да мне и не советовали. Но положение становилось все более тяжелым и безысходным. Анастасия Алексеевна, в конце концов, решила на случай, если железная дорога не восстановится, с сыном добровольно уйти на фронт. Это была смелая партийная женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.